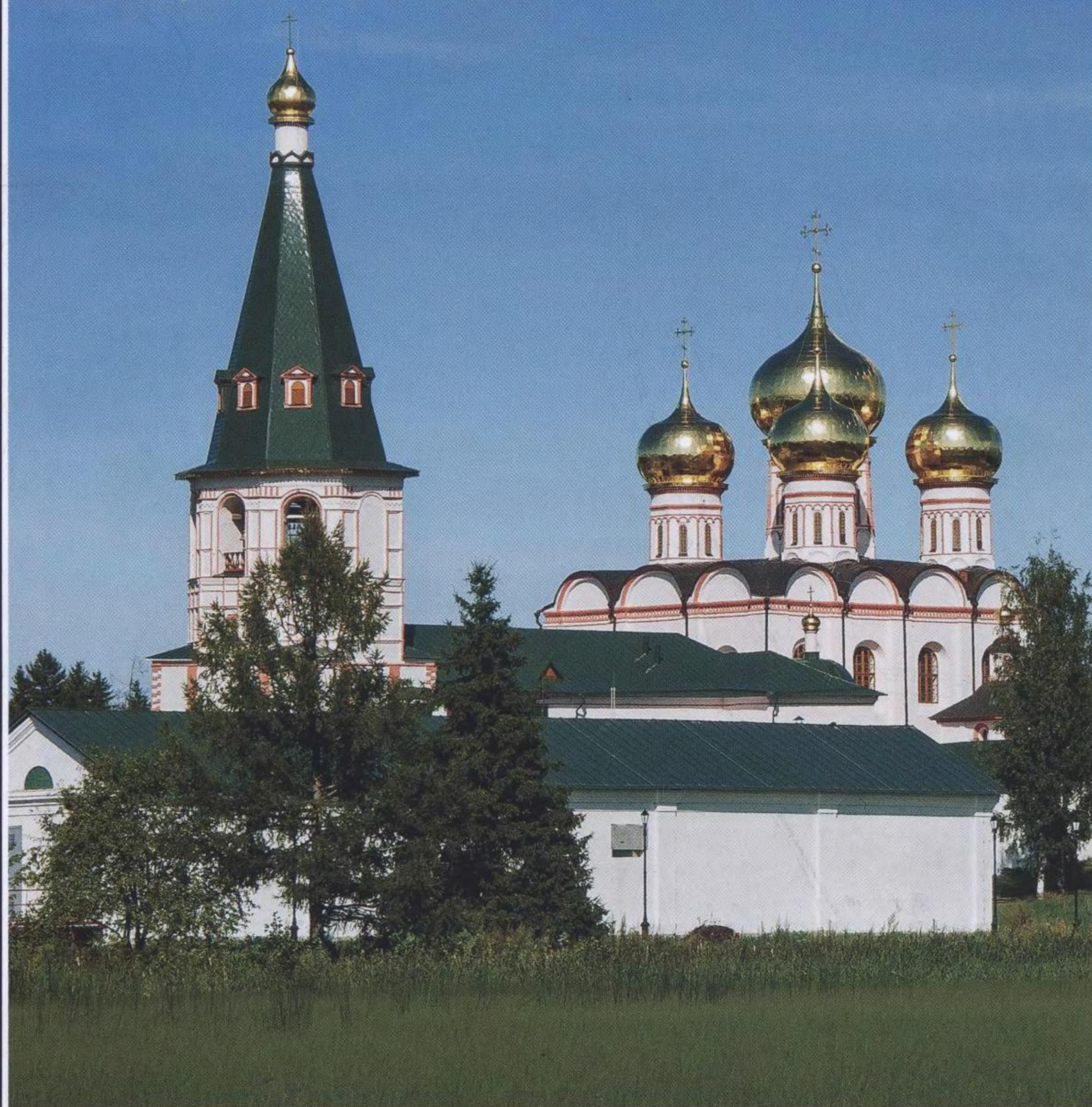
VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

Православные Храмы

путешествие по святым местам



Иверский собор

(Валдайский Иверский монастырь)

Новгородская область

№116

Рождение шедевра

Полтора года

Святыни

Раненая икона

Окрестности

На бойком месте

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 19 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

ISSN 2304-0068



Оглавление

ЭПОХА

«Тщание творяше...» 3

РОЖДЕНИЕ ШЕДЕВРА

«Столп огнен явися...» 4

ЧЕРЕЗ ВЕКА

В Валдайском монастыре 8

СВЯТЫНИ

«Новая, аки старая...» 12

ОБЛИК

Крест на острове стоит 14

ОКРЕСТНОСТИ

Монастырский остров и мирской берег 20

СУДЬБЫ

«Не отходи от мене...» 24

Архимандрит Лаврентий 28

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ

«Трудно было представить...» 30

«Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Выпуск № 116, 2014
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Полина Быстрова
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 600001, г. Владимир, а/я 30, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам».
Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Государственной регистрационной службы Украины КВ № 18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 (17) 331-94-41

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 19 900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ОАО «Полиграфический комплекс "Пушкинская площадь"», 109548, Россия, г. Москва, ул. Шоссейная, 4Д

Тираж: 55 600 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2014

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 09.12.2014

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 3: (лев.) © Fine Art/EastNews, (прав.) © AKG/EastNews; 4: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 5: (верх, лев.) © Виктор Великжанин/Фото ИТАР-ТАСС, (верх, прав.) © Донцов Евгений Викторович/Фотобанк Лори, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 6/8: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 8/9: (на развороте) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 9: © Евгений Клеменков/Фотобанк Лори; 10: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 10/11: (на развороте) © Игорь Низов/Фотобанк Лори; 11: (верх) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 12: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 13: (лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) © Юрий Кобзев/Фотобанк Лори; 14: (верх) © Михаил Широков/Фотобанк Лори, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 15/18: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 19: © В.В. Иванов; 20/21: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 22: (обе) © Сергей Лаврентьев/Фотобанк Лори; 22/23: (на развороте) © Сергей Лаврентьев/Фотобанк Лори; 23: (верх) © Grafika.ru/Fotodom.ru, (низ) © FotograFF/Фотобанк Лори; 24: © Fine Art/EastNews; 25: (лев.) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (верх, прав.) © Fine Art/EastNews, (центр, прав.) © Виктор Сагайдашин/Фотобанк Лори; 26: (верх) © stargal/Фотобанк Лори, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 27: (лев.) © Государственная Третьяковская галерея, Москва, (прав.) © Fine Art/EastNews; 28: © AKG/EastNews; 29/30: (все) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 31: (верх) © В.В. Иванов, (низ, лев.) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ, прав.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини».

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

«Тщание творяше...»

Обустраивая Иверский монастырь на Валдае (и много чем еще занимаясь), Патриарх Никон должен был иметь попечение и о «царствующем граде Москве», поскольку царю Алексею Михайловичу пришлось отбыть на театр военных действий: началась война с Речью Посполитой.



▲ *Польскому городу Люблину (на иллюстрации) в XVII веке не посчастливилось: сначала его опустошила эпидемия, затем, в 1655 году, разорило русско-казацкое войско, а довершили разгром шведы.*

Как на грех, в это же время Москву посетила очередная эпидемия, и Патриарх, обремененный ответственностью за царское семейство, принужден был предпринять экстренные меры. Патриарший биограф Иван Шушерин сообщает: «В царствующем граде Москве случися смертоносная язва, от ея же для сохранения ради Царскаго дома со благоверною и благочестивою Государынею Царицею и Великою Княгинею Мариею Ильиничною и со благородным Царевичем и со благоверными Царевнами пойде Святейший Патриарх в Троицкий Сергиев монастырь, и оттоле в монастырь Макария Колязинскаго, из него же приидоша во град Вязьму; в пути же оном весьма о хранении Царскаго дома усердное свое тщание творяше, сам всего досматриваше и пустынными месты дороги вновь устрояше, и заставы крепкия ставляше, и огни велия на отгнание смертоноснаго воздуха повелеваше возжигати, и вся творяше, яже подобает на охранение от мороваго поветрия».



◄ *Русский военачальник и дипломат Петр Иванович Потемкин, принимавший самое деятельное участие в военных кампаниях 1650-х годов. Именно он брал Люблин и Ниеншанц. В 1660—1670-е годы исполнял многочисленные дипломатические поручения. Этот портрет Потемкина написал Хуан Каррено де Миранда, когда тот находился в Испании.*

В 1656 году в войну вступила Швеция. В 1657 году умер Богдан Хмельницкий, а гетманом Войска Запорожского стал Иван Выговский. Выговский, женатый на дочери польского магната, вызывал недоверие значительной части казачества. Недоверие, как выяснилось вскоре, вполне обоснованное: Выговский таки перешел на сторону поляков. Одним словом, война (которую Россия вынуждена была начать во многом из-за принятия в российское подданство Войска Запорожского) затягивалась и обрастала проблемами. Государь, подолгу отсутствуя в Москве, вверял государственные дела и свою семью Патриарху. Патриарх доверия не обманывал. И Алексею Михайловичу оставалось лишь быть ему благодарным.

События эпохи

1652 Перенесение мощей святителя Филиппа из Соловецкого монастыря в кремлевский Успенский собор.

1653 Войско Запорожское «з городами их и з весями» принято в российское подданство. На Валдайском озере начинается строительство Иверского монастыря.

1654 Богдан Хмельницкий приносит присягу на верность царю Алексею Михайловичу. Начало русско-польской войны. Взятие русскими войсками Смоленска и Витебска.

1655 В Валдайском монастыре заложен каменный храм в честь Иверской иконы Божией Матери. Русские войска захватывают Минск, Гродно, Вильно, Ковно и Люблин.

1656 В войну вступает Швеция. Заключение перемирия между Россией и Речью Посполитой. Русские войска берут Динабург, Дерпт, Нотебург, Ниеншанц. Освящение Иверского собора в Валдайском монастыре.

1657 Умирает Богдан Хмельницкий. Гетманом становится Иван Выговский.

«Столп огнен явися...»

«Нигде такова красна видех», — говорил Патриарх Никон о созданном им на Валдайском озере монастыре. И прибавлял: «Не аз бо един тако о святем месте том творю похвалы, но и вси обретшиися со мною смиренным, в пути преставше о всех глаголати, но аки от единых уст о красоте места того койждо к себе беседоваху, похваляюще святое то место».

В конце 1640-х — начале 1650-х годов митрополит Новгородский Никон должен был не раз проделывать путь от Новгорода до Москвы и обратно. Царь, чрезвычайно расположенный к нему, «присно желаше преосвященнейшаго митрополита всегда в царствующем граде имети и с ним благословесною беседою наслаждатися». «Присно» находиться в Москве Никон не мог, но по зимам ездил к государю. Дорогой он примечал редкое по красоте озеро, чем-то напоминавшее ему Соловки, где начинался его иноческий путь. На озере был небольшой остров, и этот остров в особенности манил митро-

◄ *На берегу Валдайского озера.*



▲ *Портрет Патриарха Никона работы неизвестного художника XVII века.*



▲ *Вот все, что осталось от Кутеинского монастыря в Орше к теперешнему времени, — Троицкая церковь первой трети XVII века.*

полита: очень уж удобен представлялся он для устройства иноческой обители.

Сонное видение

До поры замыслы Никона оставались под спудом иных забот. Но в 1652 году царь Алексей Михайлович (по настоятельному совету самого Никона, но об этом позже) повелел перенести в кремлевский Успенский собор мощи митрополита Филиппа (Колычёва), убитого по приказу Ивана Грозного и погребенного в Соловецком монастыре. Отправиться за останками святителя определено было митрополиту Никону в сопровождении большой свиты. Согласно преданию, во время этого путешествия «туда и обратно» митрополит Филипп явился Никону в сонном видении и благословил его намерение устроить монастырь на Валдайском озере.

В Москву Никон возвращался «с великим поспешением», получив в дороге письмо от царя, где тот сообщал ему о кончине Патриарха Иосифа. «Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам обирать на патриаршество, — писал государь, — а без тебя отнюд ни за что не примемся... И ты, Владыко святый, помолись...



Иаков Боровичский

Перенесенные в Валдайский монастырь из Боровичей мощи принадлежали подвижнику весьма загадочному. Известно о праведном Иакове даже меньше, чем о многих святых первых веков христианства. А между тем жил он не так давно — в XVI веке. Пожалуй, кроме того, что чуть ли не с детских лет Иаков принял на себя подвиг юродства и скончался совсем еще молодым юношей, предание ничего сообщить нам не в силах. Зато «процесс обретения» его мощей освещен довольно полно. Дело было так. В начале 1540-х годов, по весне, на третий день Пасхи, к селу Боровичи приплыла льдина. На ней был «гроб обгорелый, а в нем тело нетленно суть мертвого». Крестьяне, боясь ответственности за мертвое тело, пытались избавиться от него: «трижды отвозиша тот гроб вниз по реке Мсте, за поприще и больше, он же против быстрин речных являшеся на том месте в пороге». История повторялась трижды. На третью ночь праведный Иаков явился во сне сразу нескольким жителям села. «Я такой же христианин, как и вы, — сказал он, — не гоните меня. Мое имя Иаков, в честь святого Иакова, брата Господня». Только после этого поселяне поняли, что опасения их неразумны. Гроб с мощами святого Иакова вытащили на берег и положили в часовне, построенной на том месте, где прибило льдину с гробом. Вскоре рядом с часовней забил источник с чистейшей и, как утверждали, целебной водой.

Перенесенные в Валдайский Иверский монастырь, мощи праведного Иакова Боровичского находились здесь до начала 1920-х годов, а затем бесследно исчезли. В 1940-е годы о них запрашивали Валдайский райисполком. Ответ поступил следующий: «По устному сообщению председателя райисполкома тов. Кузнецова, указанных „мощей" в гор. Валдае не было и до Отечественной войны, но когда и куда они изъяты, неизвестно». Говорят, что перед закрытием обители монахи спрятали мощи праведника где-то на монастырском острове. Пока, однако, обнаружить их не удается.



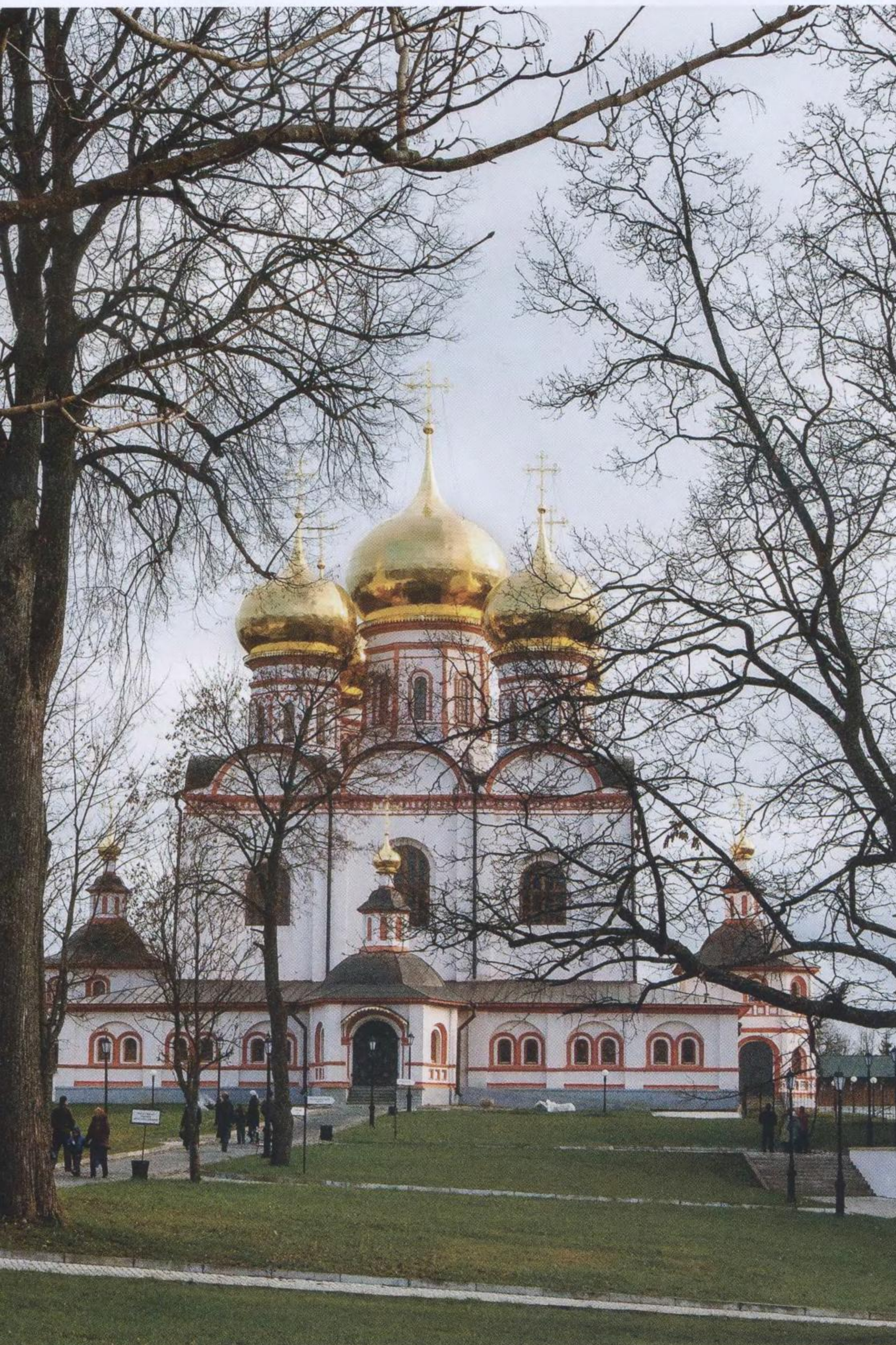
Мощи Иакова Боровичского исчезли после закрытия Иверского монастыря. Сейчас в обители есть только частица мощей святого, которая, вместе с другими реликвиями, находится в этом ковчеге.

чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца... а сего мужа три человека ведают — я, да Казанский митрополит, да отец мой духовный; тай не в пример, а сказывают — свят муж». Яснее дать понять Никону о том, кого именно он хочет видеть на Патриаршем престоле, Алексей Михайлович не мог.

Начало

Писал царь митрополиту Новгородскому в последних числах мая 1652 года, а спустя два месяца состоялось поставление Никона в Патриарха Московского. Пришло время осуществлять планы — в том числе домостроительные, благо Алексей Михайлович вполне их разделял и поддерживал. Летом 1653 года на Валдае начались работы, и осенью здесь уже стояли две новые, свежим деревом пахнувшие церкви. Одну из них, теплую, освятили во имя свт. Филиппа, митрополита Московского, другую — в честь Иверской иконы Божией Матери. Назначил Патриарх и настоятеля — архимандрита Дионисия. «Муж искусен и к Божественному Писанию исполнен, добродетелен, незлобив же и кроток», — так отзывался о нем Никон.

Надо сказать, что Валдайское озеро издавна пользовалось у окрестных жителей дурной славой. Рассказывали, что временами над озерной гладью поднимаются нечистые духи, принимая вид омерзительных чудищ, а в окрестных лесах слышен то посвист, то хохот. Страхования приходилось переживать и первым строителям монастыря.



◀ *Иверский собор в Валдайском монастыре был построен чуть более, чем за год.*

▼ *Надвратный храм свт. Филиппа — прямой наследник деревянной Филипповской церкви, выстроенной в монастыре при Патриархе Никоне.*



Патриарх взялся за валдайскую нечисть со свойственной ему энергией. В один из своих приездов в строящийся монастырь он вышел на берег со всем причтом, отслужил молебен, погрузил на дно озера крест и Евангелие и переименовал озеро. Теперь оно должно было называться Святым. Название это не прижилось, но дурная слава озера померкла. Больше того, теперь здесь стали наблюдать явления совсем другого рода. В одну из ночей, как писал о том сам Никон, «столп огнен явися от земли до небеси, и от того огненного столпа окрест свет блистал зело; версты по три и по пяти и по десяти и по двадцати и более, яко во дне светитеся всему». Это видение, вкупе с явлением митрополита Филиппа, укрепило Первосвятителя в убеждении, что построение монастыря на Валдае угодно Богу.

«Нет ему подобного в мире...»

Монастырь обустраивался стремительно. В 1654 году Патриарх повелел перенести сюда мощи праведного Иакова Боровичского из сравнительно недальнего села Боровичи и тогда же переправил на Валдай серебряные ковчежецы с частицами мощей святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. А в 1656 году в обители торжественно встречали Иверскую икону Божией Матери.

К этому моменту на острове уже достраивался великолепный каменный собор, посвященный Иверскому образу Пресвятой Богородицы. Строительство шло поистине «никоновыми» темпами. В мае 1655 года соборный храм заложили, в декабре 1656 года уже освятили. Помимо Патриарха Никона, к торжественному дню на Валдай прибыли митрополиты Новгородский Макарий и Крутицкий Лев, а также архиепископ Тверской Лаврентий.

Собор строил, согласно документальным свидетельствам, «каменных дел подмастерь Аверкий Мокеев, помощником плотничий мастер Иван Белозер», однако, несомненно, и сам Патриарх, имевший вполне отчетливые представления о том, какими должны быть церкви Божии, не оставался в стороне. Здание поражало воображение современников: в глухой дотоле местности, посреди озера, вознесся пятиглавый храм, какой впору было бы видеть в стольном граде. «Поистине нет ему подобного в мире», — отзывался о Валдайском монастыре и его соборном храме архидиакон Павел Алеппский (и ведь не спишешь этого только на восточную привычку к преувеличениям и витиеватости).

Специально к освящению Иверского собора мастер Александр Григорьев отлил по заказу Никона тысячепудовый колокол, на котором был изображен сам Патриарх, а внутри новый собор украшали пятиярусный резной иконостас (должно быть, потрудились над ним белорусские резчики) и заказанное за границей паникадило «желтой меди», «величиною с большое дерево, с цветами, птицами и неописуемыми диковинами».



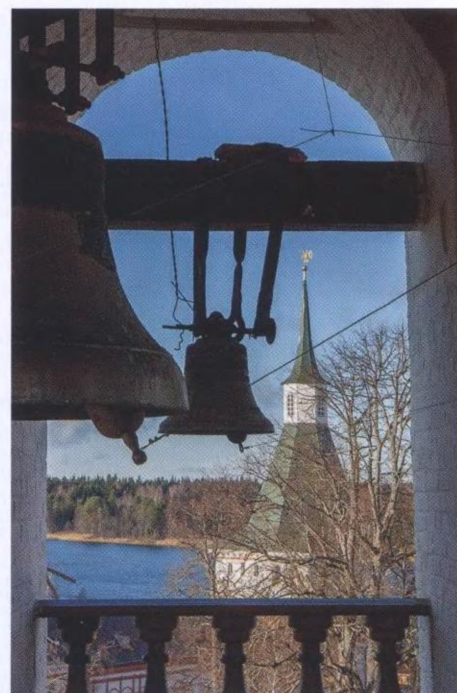
Никонова типография

Братию новосозданной Валдайской обители составили иноки Оршанского Кутеинского монастыря, терпевшие у себя в Белой Руси притеснения от униатов и с радостью согласившиеся переселиться на Валдай. С собой они привезли типографию.

В условиях постоянного противостояния унии православные монастыри и братства, находившиеся на территории Речи Посполитой, активно развивали печатное дело и в этом отношении шли на несколько шагов впереди обленившихся под скипетром православного царя московитов. Надо сказать, что Никон сознавал это упущение еще в бытность свою новгородским митрополитом и пытался даже организовать печатню в Хутынском монастыре. Но тогда дело не заладилось из-за отсутствия квалифицированных мастеров. Теперь же, с приездом на Валдай опытных печатников-белорусов, Патриарх воспрянул духом.

Работу свою Валдайская типография начала в 1657 году и функционировала восемь лет. За это время она выпустила в свет следующие издания: сочинение Стефана Святогорца «Рай мысленный» с приложением, принадлежавшим перу самого Никона и имевшим длинное название «Слово благополезное о создании монастыря Пресвятые Богородицы Иверския и святаго новаго исповедника и священномученика Филиппа, митрополита Московского, иже на Святе езере, и о перенесении мощей святаго праведнаго Иакова, иже прежде Боровечск именовася»; «Брашно духовное» афонита Фикары, несколько часословов и жалованную грамоту царя Алексея Михайловича на вотчины Иверского монастыря.

Необходимо отметить, что типография Валдайского Иверского монастыря стала первой провинциальной типографией в тогдашней России (если не считать весьма скромной и недолго просуществовавшей печатни, учрежденной в Александровской слободе Иваном Грозным, и нижегородского «филиала» — тоже недолголетнего — московского печатного двора, устроенного бежавшими от Смуты печатниками-москвичами). И, несомненно, если б Никон оставался Патриархом, Валдайскую типографию ждало бы большое будущее.



Самая большая башня монастырской ограды — Михайловская (или Патриаршая). Утверждается иногда, что именно в ней находилась типография. Однако каменную ограду вокруг монастыря возвели только в конце XVII века, так что самое большее, на что можно рассчитывать — так это на то, что деревянное здание типографии находилось на месте Михайловской башни.

В Валдайском монастыре

Вплоть до самого недавнего времени монастырский собор, освященный Патриархом Никоном в честь Иверской иконы Божией Матери, существовал как Успенский. Успению Пресвятой Богородицы его посвятили в XVIII веке, отремонтировав после большого пожара. Иверским в нем был лишь придел.



▲ *Длинное двухэтажное здание на фото — это братские кельи. Предание гласит, что здесь останавливался Патриарх Никон во время своих посещений Валдайского монастыря. Но корпус выстроили только в 1680-е годы, так что, к сожалению, никакого отношения к Никону он не имеет.*

К Рождеству 1657 года Патриарх Никон ждал у себя в Валдайском монастыря царя Алексея Михайловича. Но не дождался. Государь не приехал. Дружба его к Патриарху, которого он совсем еще недавно величал своим «собинным другом», охладевала, меж ними «нача быти безсоветие». Так Алексей Михайлович на Валдае и не побывал. Да и Никон в 1658 году приезжал сюда в последний раз. Пробыв здесь три месяца, он уехал в Ново-Иерусалимский монастырь, где прожил еще восемь лет, до северной своей ссылки.

Когда Никона постигла опала, все монастыри, основанные им (Ново-Иерусалимский, Валдайский Иверский и Онежский Крестный), признали созданными «не по уставам святых отец». Монастырские имения — весьма богатые (к Валдайскому монастырю были приписаны само Валдайское озеро с островами, села Валдай, Боровичи, Вышний Волочек и другие) — отошли в казну, а братию «расформировали» по другим обителям. Но уже спустя год с небольшим это распоряжение отменили, и Иверский монастырь получил обратно все свои вотчины и дарованные ранее привилегии.

Первоклассный монастырь

Именно к этому периоду относится второй этап благоустроительных работ в монастыре. При Никоне все здания обители, кроме Иверского собора и теплой Богоявленской церкви с трапезной палатой, оставались деревянными. В 1670—1680-е годы каменное строительство продолжилось, и к началу XVIII столетия монастырь в целом выглядел примерно так же, как теперь.



◀ *Ныне существующая трехъярусная колокольня появилась в монастыре в 1679—1681 годах.*

Не остался без внимания и соборный храм. В 1688—1689 годах его расписал Матвей Карпов «с товарищи». Что представляли собой эти росписи, сказать трудно: в 1704 году в монастыре случился «непомерный пожар», и внутреннее убранство собора пострадало настолько, что ни о каком поновлении фресок речи не шло. К 1710 году, когда его заново освятили (на сей раз — в честь Успения Пресвятой Богородицы, и с таким посвящением он просуществовал вплоть до закрытия мона-





▲ *В 1710—1730 годах Валдайская обитель существовала в качестве приписной к Александро-Невскому монастырю, тогда еще не имевшему статуса Лавры.*

стыря), те же мастера расписали его заново. Но и эти росписи дожили лишь до середины XVIII столетия, когда их заменили другими. Наконец, в 1830-е годы монастырское начальство сделало выбор (собственно, выбирать-то особенно не приходилось) в пользу масляной живописи, пригласив осташковских мастеров Ивана и Андрея Митиных. Созданные ими композиции сохранялись — дважды поновленные — до XX столетия.

Мы, впрочем, забежали вперед. А между тем на начало XVIII века падает событие, чрезвычайно важное (и болезненное) в истории Валдайского Иверского монастыря. В 1710 году его со всем имуществом и угодьями приписали к строившемуся тогда в Санкт-Петербурге Александро-Невскому монастырю. Правда, к 1730 году обитель вернула себе самостоятельность. Но часть своего богатства — расшитые жемчугами священнические облачения, украшенные алмазами митры, четыре золотых напрестольных креста (и это не считая других, менее ценных, но не менее годных в хозяйстве вещей) — она оставила в ризнице столичного монастыря.

Как бы ни было, к роковому 1764 году Валдайский монастырь подошел не без некоторого даже щегольства, имея 4 275 десятин пахотной земли и 7 133 душ крестьян. Кроме того, у него имелись подворья в Москве и Новгороде, а также пять приписных монастырей. По результатам реформы он оказался причислен к первому классу, но о щегольстве пришлось забыть: на негустом государственном пайке, не зная привычки «по одежке протягивать ножки», обитель быстро сдала в хозяйственном отношении.

Некоторый «ренессанс» в ее существовании наступил лишь в XIX столетии, но о былом великолепии уже и не мечталось.



«ТАКОВЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА...»

Архимандрия в Иверском монастыре учреждена Святейшим Патриархом Никоном в первые годы по основании сей обители, и дозволено Архимандритам отправлять Священнослужение в митре, с сулком (сулок — двойной плат у навершия посоха, обыкновенно — архиерейского. — *Прим. ред.*), рипидами, на ковре и со осеняльными свечами, что и утверждено настольною грамотою, данною Архимандриту Дионисию I и будущим по нем. В общей степенной лествице духовных властей в тогдашнее время Иверский Архимандрит в Священнослужении и на Соборном седении присутствовал под Архимандритом Саввы Сторожевского, а после Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, в 14 степени. С поступлением монастыря, в 1667 году, в Епархиальное ведомство Новгородских Митрополитов настоятели Иверские пользовались теми же преимуществами, предоставленными грамотою Питирима, Митрополита Новгородского, 1669 г. и подтвержденными грамотою Адриана Патриарха 1694 г. В бытность монастыря под ведением Александро-Невской Лавры, и потом в 1731 г., по утверждении оного в той же степени, хотя и были на короткое время все сии преимущества отменены, но вследствие указа Св. Синода и по настольной грамоте Феофана, Архиепископа Новгородского, данной Иверскому Архимандриту Филарету, по-прежнему возвращены; а в 1759 г. Димитрий Сеченов, Митрополит Новгородский, настольною грамотою, данною Архимандриту Пахомию Добрыне, дозволил носить мантию со скрижальми и посох Архиерейский. Таковые преимущества настоятелям Иверским в Священнослужении и ныне присвоены.

Описание первоклассного Иверского Богородицкого монастыря Новгородской епархии архимандрита Петра с братиею (1850)



◄ *Богомольцы перед Иверской иконой Божией Матери.*



▲ *Валдайский Иверский монастырь на фотографии начала XX века. Обратите внимание на то, что завершение колокольни тогда было иным.*

Основной доход монастырю приносили богомольцы, во множестве стекавшиеся к Иверской иконе Божией Матери, которая, когда не бывала носима по окрестным селам, находилась в Успенском соборе. Ко вторнику Светлой седмицы, в день чествования Иверской иконы, в обители иногда собиралось до пятнадцати тысяч человек. В особенности усердным стало внимание паломников к Валдайскому монастырю после 1848 года, когда Иверская икона прославилась как избавительница Валдая от эпидемии холеры. Согласно составленному П. М. Силиным «Историческому описанию Валдайского Иверского Святоезерского Богородицкого первоклассного монастыря» (1901), дело было так:

«В 1848 тяжкий год холеры, когда эта губительная болезнь свирепствовала по всей почти России, унося многочисленные жертвы, она посетила и город Валдай. Тогда жители города, объятые ужасом смерти, не надеясь на медицинские средства, отправились в Иверскую обитель и здесь пред чудотворным образом Пресвятой Девы молили Ее мощного ходатайства пред Ее сыном и Господом, да прекратится губительная болезнь, и, подняв святую икону в торжественном крестном ходе, принесли в свой город и с теплой молитвой и верой в предстательство Царицы Небесной обнесли ее вокруг города. И упование жителей г. Валдая не посрамилось: губительная болезнь вдруг ослабела и затем вскоре совершенно прекратилась».

«В память этого благодатного события, — продолжает рассказчик, — согласно ходатайству жителей города, по определению Святейшего Правительствующего Синода, Высочайше утвержденному 3 декабря 1849 года, навсегда постановлено приносить в Валдай чудотворную икону Богоматери Иверской 27 июля, где она должна пребывать до 6 августа. По примеру г. Валдая чудотворную икону разрешено носить в города Боровичи и Демянск, и, сверх того, по просьбе жителей икона эта носится и по уездам для посещения сел и деревень».

«Слишком тесно связана с Иверской чудотворной иконой...»

К началу XX века в Валдайском Иверском монастыре насчитывалось около семидесяти насельников, а сама обитель представляла собой отрадную картину благоустроенности. Далеко виднелись купола Успенского собора (не золотые, позолотили их лишь в новейшее время), и далеко разливался над водой монастырский благовест.

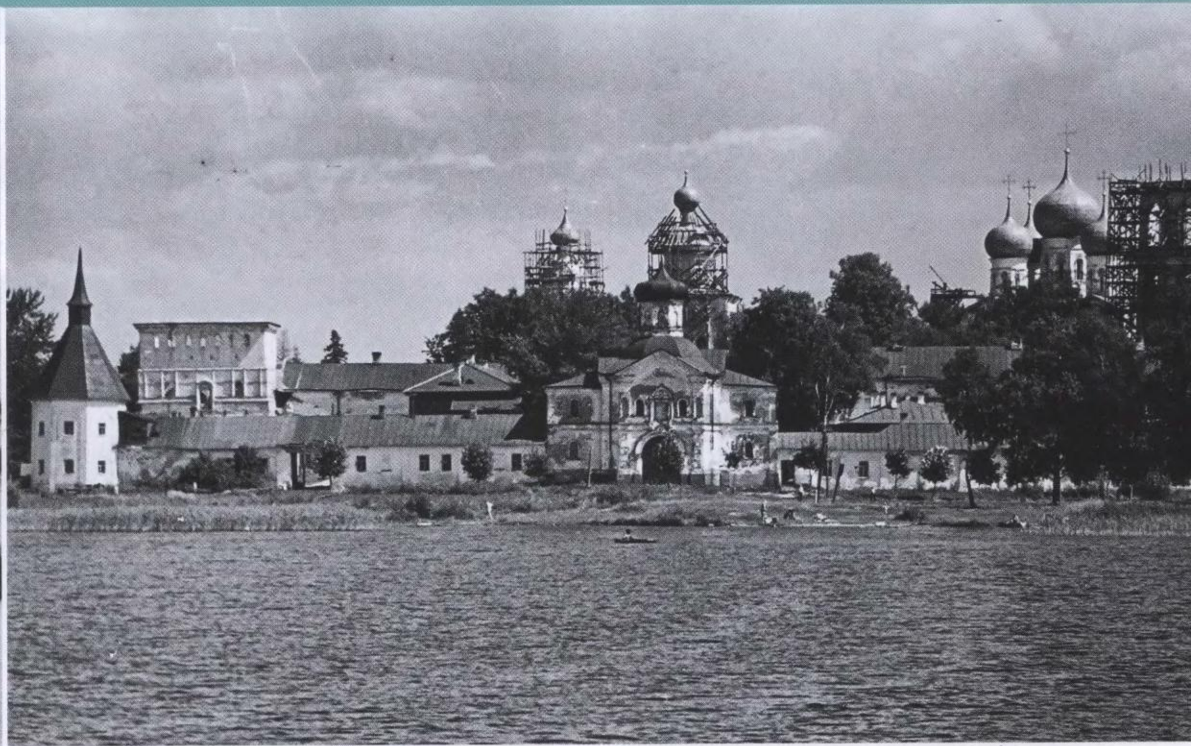
Так же далеко слышен был 15 июля 1918 года набатный звон монастырских колоколов. Около полугода иноки сносили «реквизиции излишков», когда распоясавшиеся «товарищи продотрядовцы» вывозили из монастыря все, что им попадалось на глаза. А вот теперь не выдержали.

Жители Валдая, еще не в достаточной степени оробелые перед советской властью, восприняли раздававшийся с монастырского острова набат как прямой сигнал к действию. Они захватили оружейный склад и бросились к озеру. С тревогой наблюдал с острова продотряд, как на противоположном берегу растет возмущенная — и вооруженная — толпа валдайцев.

По некотором размышлении продотрядовцы решили усмирить народ, предложив выйти к нему настоятелю, архимандриту Иосифу. Тот, не желая допустить кровопролития, согласился. Уже возле берега лодки, в которых находился архимандрит вместе с отрядом экспроприаторов, были обстреляны валдайцами, не заметившими отца настоятеля. Случайная пуля, предназначавшаяся кому-то из большевиков, ранила архимандрита.

После этого власти на некоторое время оставили монастырь в покое. Однако уже осенью большевики опять явились на монастырский остров — и уехали с богатой добычей: драгоценной ризой с Иверской иконы и старинной богослужебной утварью. В январе 1919 года все это пришлось возвратить — но лишь на самое короткое время; начавшаяся





▲ *В XX веке все строения монастыря пришли в упадок.*

вскоре кампания по изъятию церковных ценностей развязала экспроприаторам руки.

В это же время рабочие монастыря (скорее всего, по наущению «товарищей сверху») образовали рабочий комитет. Деятельность его выразилась в отобрании у монахов ключей от всех кладовых и амбаров. Отныне хлеб насельникам выдавали члены комитета, а настоятель не имел права предпринимать каких бы то ни было действий без ведома пролетарского начальства (такой весьма яркий прообраз лагерной жизни 1930-х годов, когда низовые начальственные должности занимали социально-близкие зека, сиречь уголовники, призванные всячески третировать политических — «врагов народа»). С декабря 1918 года комитетчики заставили молодых монахов и послушников работать на лесозаготовках в пользу государства. Старым и убогим тоже нашлось дело: они трудились на водокачке и в кухне.



Панаевская часовня

У Валдайского Иверского монастыря было много благотворителей. Едва ли не самым щедрым жертвователем являлось семейство Панаевых, проводившее летние месяцы неподалеку. Многие представители этой семьи оставили свой след в культуре и науке России. Так, Валерьяна Александровича Панаева, инженера-путейца, называют одним из родоначальников русской инженерной школы. А его дочь, Елена Валерьяновна Панаева, став второй женой рано овдовевшего П. П. Дягилева, заменила мать Сергею Павловичу Дягилеву, будущему художественному и театральному деятелю, одному из основоположников «Мира искусства» и организатору «Русских сезонов» в Париже. В конце XIX столетия память Панаевых была увековечена в Валдайском монастыре постройкой часовни-усыпальницы — с характерными для той эклектической эпохи готическими окнами.



Часовня-усыпальница Панаевых в Валдайском монастыре.

В 1919 году монастырь преобразовали в трудовую артель, устав которой был зарегистрирован в соответствии с советскими правилами. Она просуществовала восемь лет, после чего ее «обследовали» представители Наркомзема. Выяснилось, что артель «слишком тесно связана с Иверской чудотворной иконой». Этого оказалось достаточно, чтобы снять ее с регистрации и зачистить территорию «бывшего монастыря» от — на языке советских чиновников — «нетрудового элемента».

После разгона артели в монастыре находился сначала музей, затем мастерские. Во время войны здания обители занял госпиталь, позже — дом ветеранов-инвалидов и, наконец, лесная школа для детей, больных туберкулезом. В 1970-е годы на живописном острове решили устроить базу отдыха. Все эти последовательно сменявшие друг друга хозяева не слишком пеклись о сбережении монастырских храмов. Успенский собор лишился иконостаса и — почти полностью — росписей (не говоря уже о реликвиях, сгинувших еще в 1920-е годы). От его первоначального убранства сохранились только дубовые резные двери и парадные кованые врата.

«Новая, аки старая...»

Много веков Иверская икона Пресвятой Богородицы, пережившая, по преданию, иконоборческую эпоху, была главной святыней афонского Иверского монастыря, его хранительницей. Но лишь в XVII столетии список с нее попал в Москву — с тем чтобы и здесь стать одним из самых известных и любимых.



▲ *Сейчас в монастыре находится сравнительно поздний список Иверской иконы. Список XVII века пропал после закрытия обители.*

Иверская икона Божией Матери, столь почитаемая у нас в теперешнее время во множестве списков, появилась в России благодаря Патриарху Никону. Еще в бытность свою архимандритом Новоспасского монастыря он просил случившегося в Москве иверского архимандрита Пахомия прислать ему «верный список» с тамошней древней иконы, именовавшейся на Афоне Портаитиссой (Вратарницей), а также и план Иверского монастыря —чтобы подобный устроить и в Московии (где именно, будущий Патриарх еще не думал; Валдайское озеро вошло в его жизнь позднее).

Несомненно, к просьбе Никона присоединил свои пожелания (ущедренные богатой милостыней) и Алексей Михайлович. Так что нет ничего удивительного в том, что через некоторое время список с Иверской иконы Пресвятой Богородицы был почтительно препровожден в Москву, снабженный пояснительным письмом, где говорилось: «Как есьми приехал Пахомий в наш монастырь, собрав всю братию 365 братов, и сотворили есьма великое молебное пение, с вечера и до света, и святили есьма воду со Св. мощами и Св. водою, обливали чудотворную икону Пресвятой Богородицы старую Портаицкую, и в великую лохань ту Св. воду собрали и, собрав, паки обливали новую цку, что сделали всю от кипариснова дерева, и опять собрали ту Св. воду в лохань, и потом служили Святую и Божественную литургию, с великим дерзновением. И после литургии дали ту Св. воду и Св. мощи иконописцу, Отцу, Господину Иамвлиху Романову, чтобы ему

смешать Св. воду и Св. мощи с красками, написати Святую икону...» Дальше автор письма указывает, что иконописец, работая над иконой, принимал пищу только по субботам и воскресеньям, а братия все это время «по дважды в неделю совершали всенощные и литургии». «И та икона новонаписанная, — заканчивается письмо, — не разнится ничем от первой иконы, ни длиною, ни шириною, ни ликом, только слово в слово новая, аки старая».



▲ *На монастырских воротах изображены сюжеты из истории Иверской иконы — в частности, самый известный: воин-иконоборец пронзает ланиту Божией Матери копьем, а из доски, как бы из живого тела, выступает кровь.*

«ЕЙ БО НЕСТЬ СОРАВНЕНИЯ НИГДЕ ЖЕ...»

Торжественно встреченная в Москве, Иверская икона Пресвятой Богородицы некоторое время оставалась в стольном граде. Здесь с нее сделали еще один список (сделали бы и больше — да Никон запретил), поставленный в особо устроенной часовне. А саму афонскую икону препроводили в 1656 году в Валдайский монастырь. Патриарх вспоминал об этом событии: «Та же аз пришед поставих и икону Чудотворную Пречистыя Богородицы Иверския. Всю златом истинным и камением драгим многоценным обложену: четыредесяти четыре тысящи рублей драгость имущу (кроме благодати, осеняющей от нея, ей бо несть соравнения нигдеже)».

В 1719 году с этой драгоценной патриаршей ризы неизвестные «бесстрашные злодеи» похитили венец, осыпанный драгоценными камнями, и уже в XIX столетии, в настоятельство архимандрита Лаврентия (Макарова), икону одели новой ризой — также золотой, украшенной алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами, аметистами и жемчугом. О стоимости ее в окрестностях Валдайского монастыря ходили самые фантастические, будоражащие воображение слухи, и неудивительно поэтому, что после революции она стала одним из первых «объектов экспроприации».

Отсутствие оклада на главной монастырской святыне и даже самое упразднение монастыря и превращение его в трудовую артель не помешало почитанию Иверского образа Божией Матери. Быть может, еще усерднее, чем прежде, молились перед ним иноки-артельщики и благочестивые миряне. Час расставания с чудотворной иконой уже близился.



▲ *Иверская часовня в Москве (старая открытка). В часовне и возле нее всегда было множество народу — чем беззастенчиво пользовались карманники.*

В 1927 году «Иверскую коммуну» разогнали, а икону увезли в неизвестном направлении. С тех пор о ней никто ничего не слышал. Теперь в Иверском соборе монастыря находится другой, гораздо более поздний список, в свое время пребывавший в кладбищенской Петропавловской церкви города Валдая.



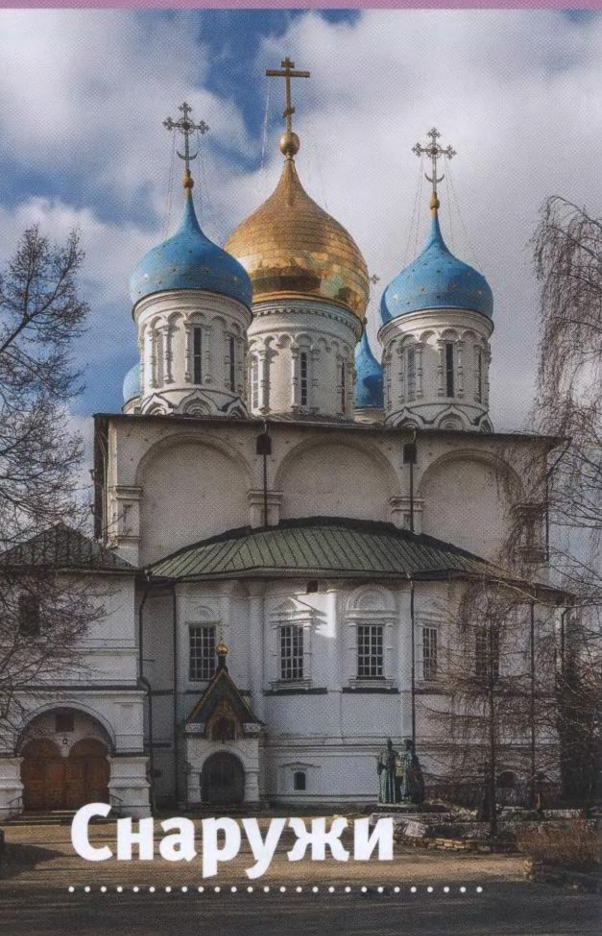
Иверская-Московская икона

С конца 1660-х годов московский список Иверской иконы Божией Матери находился у Воскресенских ворот — сначала под простым навесом, защищавшим святыню от дождя и снега, а затем в часовне, свой окончательный вид приобретшей благодаря Матвею Казакову в 1791 году (после пожара 1812 года часовню восстановили в прежних формах).

«С раннего утра до позднего вечера вы увидите всходящий по чугунным плитам вовнутрь заповедной часовни московский народ всех слоев, — писал Евгений Поселянин в начале XX столетия. — Многие представители крупных московских фирм не начнут торгового дня, не побывав у Иверской. Редкий учащийся не зайдет к ней перед экзаменами; и незадолго до того хваставший своим неверием юнец в гимназической или студенческой форме с трепетом и надеждой вперяет просящие глаза в потемневший лик...»

Замечательно, что часовня была открыта для молящихся и ночью. Но саму чудотворную икону (а московский список, как и валдайский, очень скоро прославился чудотворениями) почти круглосуточно возили по домам тех, кто имел нужду или желание видеть Царицу Небесную у себя. Тяжелую, запряженную шестеркой лошадей карету, в которой икона, сопровождаемая духовенством, перемещалась по городу, знали все москвичи. Когда примечали, что она останавливалась где-то, к ней тотчас спешили толпы — чтобы приложиться к образу. А в часовне на время отсутствия Иверской иконы оставалась ее «заместительница».

После разрушения часовни в 1929 году наличие двух почти одинаковых икон вызвало путаницу. Часто утверждается, что «первая» Иверская икона попала в храм Воскресения в Сокольниках и, таким образом, уцелела. Но не менее распространено мнение, что в Сокольниках находится «икона-заместительница», а «первая» была утрачена, когда сносили часовню (такое могло случиться: часовню снесли за одну ночь, без каких-либо предупреждений). Теперь часовня восстановлена, в ней находится новый афонский список Иверской иконы.



Снаружи

Крест на острове стоит

◄ *Соборный храм московского Новоспасского монастыря для архимандрита Никона стал «пробой пера». Павел Алеппский говорил об этой церкви: «Она благолепная, красивая, душу веселящая; мы не находим в этом городе подобную ей по возвышенности и радующему сердце виду».*

В 1936 году, доживая свой век в эмиграции и предсмертно тоскуя по родине, митрополит Антоний (Храповицкий) говорил: «Особенно рвется мое сердце к гениальным созданиям величайшего человека русской истории Патриарха Никона — Воскресенскому монастырю (Новому Иерусалиму), как бы сходящему с неба, Крестному монастырю на Белом море и Валдайскому Иверскому монастырю в Новгородской губернии...»

Восторженное отношение митрополита Антония к Патриарху Никону общеизвестно, но — и это помимо восторженности — Патриарх действительно был наделен каким-то особенным чувством пространства. Оставленные им образцы сакрального зодчества ценны не только и не столько сами по себе, сколько по своей слитности с окружающим их контекстом. Слитности и — в силу своей устремленности от дольнего к горнему — неслиянности.

Упрощая, обыкновенно говорят об архитектурных вкусах Никона как о «монументальных», выражающих идею «Церкви торжествующей». Однако это далеко не исчерпывающие объяснения. Созидая свои монастыри, Патриарх очень остро видел ландшафтный потенциал избранного места (в случае с Валдайским монастырем — озеро «зело красно») и — преображал его, как бы творя икону обещанной нам «новой земли». И это Никоново иконотворчество в гораздо меньшей степени относится к идее могущества Церкви «здесь и сейчас», в веке сем, чем представляется на первый взгляд.

Замечательно, что в качестве «дски» для своих монастырей-икон Никон избирал острова. А Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, по ненахождению в ближайших окрестностях Москвы «большой воды» с подходящим лоскутом суши, он повелел окопать рвом. Да и последней постройкой Никона стал рукотворный остров на Бородаевском озере близ Ферапонтова монастыря. Остров, осененный крестом. Таким образом, можно заключить, что сам образ «крестного острова» был чем-то чрезвычайно дорог, важен для Патриарха. Несомненно, свою роль здесь сыграл «соловецкий анамнез», но не только. Остров (и крест на нем) посреди водного пространства, всегда таящего в себе опасность, виделся Никоном в контексте всей христианской истории — и в контексте истории отдельной человеческой души, совершающей странствие по житейскому морю и чающей единственно-надежной пристани. «Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек...»



▼ *Монастырский остров на Валдайском озере.*

Обзорная площадка





Купола и кровля

Золотыми купола Иверского собора стали уже в новейшее время. В описи 1730 года главы соборного храма показаны «обитыми чешуею», а кровля — «тесовой». В середине XIX века было так: «Кровли и главы покрыты листовым железом и выкрашены медянкою (т. е. в зеленый цвет. — *Прим. ред.*), кресты на главах вызолочены». Что касается формы покрытия, то при Никоне оно, вероятно, выделяло закомары, но не так, как теперь. Можно предположить, что каждое прясло было оформлено тесовой кровлей на два ската. И «звучало» это, конечно, по-иному — в диапазоне между Новгородом и Соловками. Специалисты неоднократно отмечали, что Патриарх при возведении Иверского монастыря в весьма значительной степени ориентировался на северные постройки — и прежде всего на постройки Соловецкого монастыря.



Фасады

Гладкие фасады, декорированные лишь лопатками и карнизами в основании закомар, могли иметь прежде еще изразцовые украшения. А могли и не иметь. Собственно, предположение об изразцах напрашивается лишь потому, что при Валдайском монастыре существовала во время оно прекрасная изразцовая мастерская.



Галерея

Соборный храм окружен галереей с «палатками», как бы «распространяющей» его вширь, придающей ему еще более монументальности.

Православные
Храмы
путешествие по святым местам

Иверский собор
Валдайского Иверского монастыря
Новгородская область



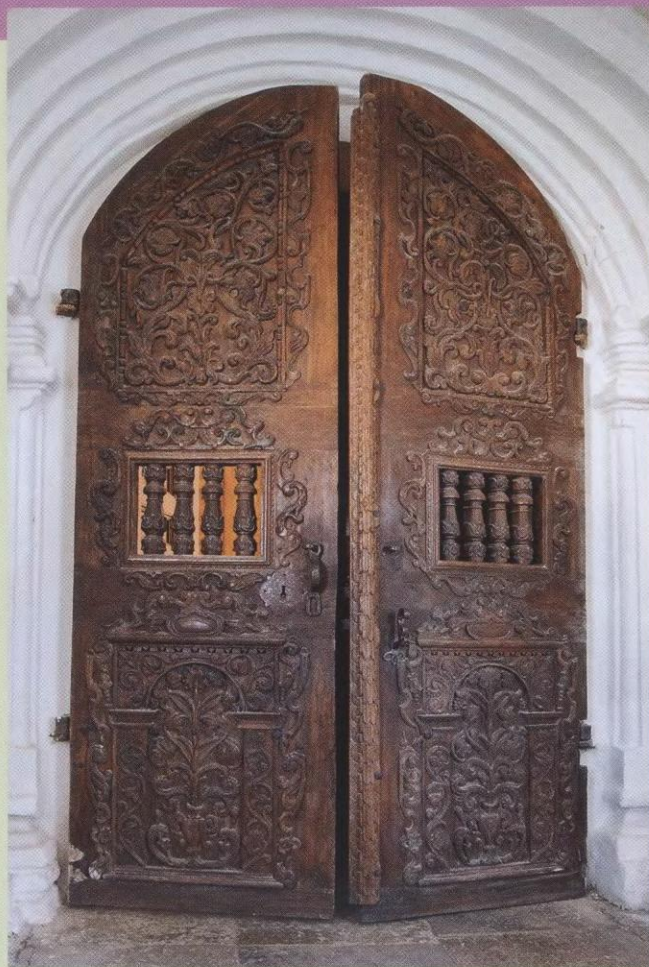


▲ *Современный иконостас Иверского собора.*

Внутри

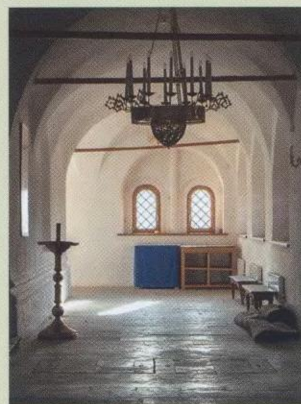
В «ОПИСАНИИ...» 1850 года об Иверском (тогда — Успенском) соборном храме монастыря сказано следующее: «Здание сие, по правильности плана и фасада, может почесться образцом совершенства архитектуры XVII века. Внутри четыре столпа поддерживают всю огромность храма. Вокруг всего Собора пристроена пространная галлерея, а при ней, с северной и южной стороны, две палатки двуэтажные в виде часовен; в одной из них помещается монастырская ризница и библиотека, а в другой излишние церковные вещи. Иконостас Собора в старинном вкусе, а стены внутри оного и алтаря расписаны в 1834 г. живописью, изображающею предметы из Истории Евангельской и Патерических писаний. При алтаре устроен придел во имя Иверския Богородицы в 1841 году».

Здесь необходимо отметить, что иконостас «в старинном вкусе» — это все-таки барочный резной иконостас XVIII века, а не тябловый, как можно было бы подумать, «обнадежась» этими словами. Он и при основании собора, как мы писали, был резным, а после пожара 1704 года его заменили новым, резным же.



▲ *Дубовые резные двери собора. Помимо кованых врат — единственная деталь его первоначального убранства, дошедшая в неизменном виде до наших дней.*

Что касается программы росписей собора, то она обусловливалась его изначальным посвящением Иверской иконе Божией Матери и последующим — Успению Пресвятой Богородицы. Помимо традиционных сюжетов из Священного



▲ *Галерея, окружающая храм.*

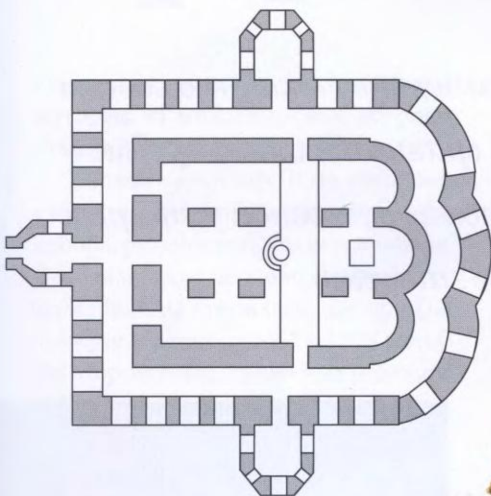
Писания, здесь можно было увидеть композиции, иллюстрировавшие земную жизнь Богоматери. Кроме того, значительное место на стенах соборного храма занимали сцены из истории Иверского Афонского и Иверского Валдайского монастырей. Например, присутствовали здесь композиции «Явление Иверской иконы Божией Матери» и «Встреча списка чудотворной Иверской иконы в Валдайском монастыре».

Сейчас в Иверском соборе (с 2008 года он опять Иверский) установлен новый иконостас, весьма отличающийся по своему стилю от того, что был прежде. Что касается росписей, то сохранившиеся их фрагменты укреплены, а утраченные — воссозданы в соответствии с общим стилем.

Структура храма

Цифры и факты

Собор Иверской иконы Божией Матери имеет в плане вид прямоугольника; восточная сторона выдается тремя полукружиями. Храм со всех сторон окружен галереей с входным крыльцом (западный фасад) и двумя палатками в виде часовен (северный и южный фасады). Собор строился в 1655—1656 годах. В 1710—2008 годах имел посвящение Успению Пресвятой Богородицы.





Обозначения

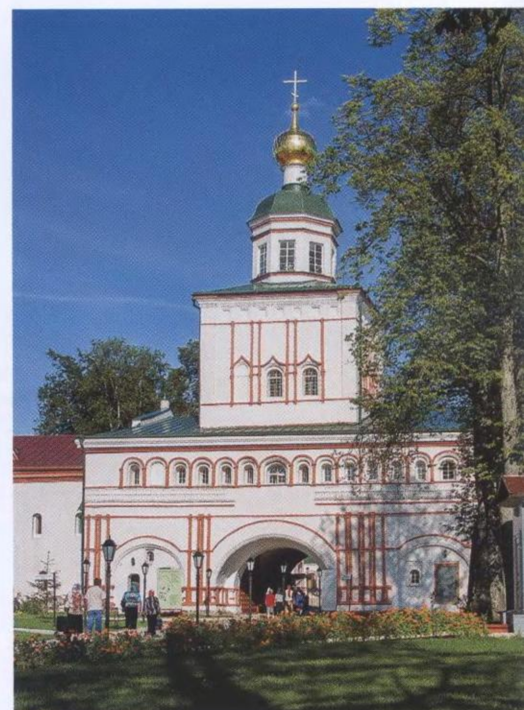
1. *Световые барабаны*
2. *Четверик*
3. *Карниз*
4. *Алтарная часть*
5. *Галерея*
6. *Входное крыльцо*
7. *Северная палатка*
8. *Иконостас*

Монастырский остров

Что скажешь о Валдае? Тут красиво. А слова «описательные» как-то совсем не сразу приходят в ум. И когда приходят — всегда, сравнительно с предметом описания, блеклы и неточны. Занять бы простоты душевной у старых авторов, не смущавшихся этой неточностью. Да не займешь.



▲ *Богоявленская церковь с трапезной палатой.*



▲ *Надвратный храм Архистратига Михаила.*

А вот и старый автор во всем великолепии: «К числу живописных местностей обширной Новгородской губернии, — неторопливо начинает свое повествование действительный член Новгородского и Псковского губернских статистических комитетов П. М. Силин, — бесспорно, может быть отнесена местность, окружающая уездный город Валдай, лежащий на Алаунской возвышенности, известной под названием Валдайских гор. Величественно Валдайское озеро, и среди его живописно раскинулась группа островов, на одном из которых находится Валдайский Иверский Святезерский Богородицкий первоклассный монастырь, знаменитый своими святынями, своим славным основателем и картинностью своего местоположения».

Валдайский Иверский монастырь

Итак, Валдайский монастырь. Об истории его мы уже довольно сказали, теперь займемся ее материальными

и мирской берег

свидетельствами — постройками, которых на монастырском острове немало.

Первой среди них, и по старшинству, и по значению (после Иверского собора, разумеется), является теплая Богоявленская церковь с трапезной палатой. Она строилась еще при Патриархе Никоне, в 1657—1658 годах. Во втором этаже храма был освящен в 1747 году придел в честь Схождения Святого Духа на апостолов, а в паперти — придел прп. Нила Столобенского. Что касается Свято-Духовского придела, то он был примечателен своими царскими вратами, присланными в свое время Патриархом Никоном еще для деревянной Иверской церкви.

Чуть дальше, над внутренними монастырскими воротами, возвышается изящная церковь во имя Архистратига Михаила, построенная, как и большинство зданий Иверского монастыря, в конце XVII века. За время своего существования церковь подверглась довольно значительным переделкам. Известно, что изначально ее венчал деревянный шатер, а не



▲ *Больничные кельи с храмом праведного Иакова Боровичского.*

барочный «фонарик» с луковичной главкой. Внутри тоже все переиначено: появились перегородки, новые двери и лестницы. Кроме того, сочтя внутреннее пространство храма слишком высоким, его разделили надвое деревянным перекрытием.

Над внешними монастырскими воротами — церковь во имя свт. Филиппа, наследница теплого деревян-



▲ *Настоятельские кельи и колокольня.*

ного храма, бывшего в обители со дня основания. Нынешнее здание построено в последней четверти XVII столетия и, как и Михайло-Архангельский храм, дошло до наших дней не без изменений.

«Измененность» облика приметна и в церкви во имя праведного Иакова Боровичского, занимающей северо-восточную часть монастырского комплекса. Она находится в одной связи с двухэтажным больничным корпусом. И храм, и больничные кельи, будучи ровесниками Михайло-Архангельской и Филипповской церквей, перестраивались, пожалуй, даже более активно, чем они, и теперь имеют весьма противоречивую внешность.

Из «гражданских» построек в монастыре наибольшего внимания заслуживают настоятельские кельи (последняя треть XVII века), составляющие единый ансамбль с колокольней. В настоящее время корпус



▲ *Изразцовые наличники настоятельского корпуса.*

имеет два этажа и подвал. С южной стороны здания находится овраг, поэтому стены подвала поднимаются над землей приблизительно на три метра и воспринимаются как еще один полноправный этаж.

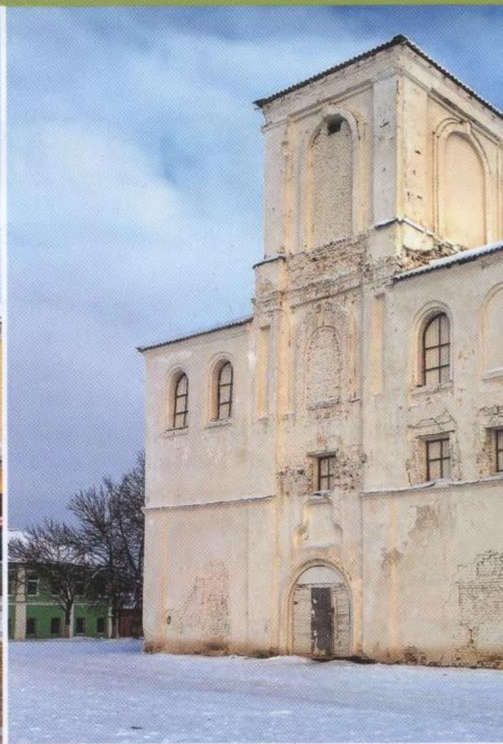
Особенный интерес настоятельские кельи представляют благодаря сохранившимся фрагментам



▲ *Стены и башни Иверского монастыря возводились в 1680-е годы. При Патриархе Никоне ограда была деревянной.*



▲ *Троицкий храм в Валдае — первое каменное здание города.*



▲ *Двухэтажную Введенскую церковь в Валдае построили в 1762 году. После закрытия храма в 1930-е годы колокольню и купол сломали. Теперь храм законсервирован, ждет реставрации.*

изразцовых наличников, обнаруженным в процессе реставрации. Как удалось установить, когда-то великолепно исполненные изразцы оформляли фасады многих монастырских зданий. Технологию их изготовления привезли на Валдай оршанские иноки.

В первые годы существования Валдайского монастыря производство «кафлей» постоянно расширялось. Мастера испытывали новые технологии и дошли до подлинного совершенства в изготовлении изразцов. Украшенные выпуклым растительным орнаментом, ярко расцвеченные, они имели исключительно нарядный вид.

Лучших валдайских мастеров-кафельщиков Патриарх Никон вскоре забрал в Ново-Иерусалимский монастырь, а через некоторое время производство изразцов на Валдае и вовсе заглохло. И сегодня только наличники настоятельского корпуса напоминают о самобытной валдайской «изразцовой школе».

Валдай

В погожий день Валдай (с 1770 года город, а прежде село) хорошо виден с монастырской пристани. В свое время Никон предпринимал попытку переименовать его в Богородицкое, но безуспешно. Валдай остался Валдаем, хотя в документах Никоновой эпохи он и проходит под названием, данным Патриархом. Обычай в очередной раз продемонстрировал свою устойчивость.



▲ *Валдайский памятник эпохи классицизма — церковь-ротонда великомученицы Екатерины (поклон валдайцев императрице, сделавшей их село городом). Сейчас здесь находится Музей колоколов.*

Первое упоминание о деревне Валдайское Селище относится к XV веку. Тогда в деревеньке было всего два двора. Жили в них Яков и Клим Демеховы, отец и сын. Развитие и рост Валдайского Селища и близлежащих деревень относится к следующему столетию, когда была осознана необходимость организовать регулярное сообщение между Москвой и Новгородом. На дороге поставили станции, где путники переменяли лошадей. Назывались они ямами — от татарского «дзям», дорога.

«Шоссе», пролегшее через Валдай, и ямская станция, основанная в нем, способствовали быстрому росту населения. С 1573 по 1584 год число дворов в Валдае увеличилось с сорока до девяноста. Тогда же в селе появилась деревянная церковь во имя Параскевы Пятницы.

Валдайский Иверский монастырь также оказал значительное воздействие на судьбу села. В мае 1654 года царь Алексей Михайлович закрепил Валдай (а также другие окрестные села и деревни) за монастырем, а монастырь был заинтересован в том, чтобы народ в его селе жил трезвый, крепкий и трудолюбивый. Особое внимание уделялось развитию ремесел и церковному строительству. В 1694 году в Валдае возвели первый каменный храм — Троицкий. Мно-



гократно перестроенный, он сохранился до наших дней (советское время храм пережидал в качестве дома культуры).

С момента основания Петербурга в истории Валдая открылась новая страница. Грунтовая дорога, проложенная между старой и новой столицами, никогда не пустовала. Через Валдай непрерывной чередой двигались обозы, груженные снедью и мануфактурой, шли войска, мчались курьеры. И все проезжие разносили по Московско-Петербургскому тракту славу о валдайских баранках. Да, именно «бараночное производство» прославило Валдай первым, а вовсе не литье колоколов, зародившееся здесь лишь в конце XVIII века.

Очевидно, своим рождением валдайский колокольчик обязан какому-нибудь местному кузнецу, которому в один прекрасный день прискучило заниматься только лишь лошадиными подковами да ремонтом экипажей. Надо помнить, что во второй половине XVIII столетия в Валдае насчитывалось около полусотни кузниц, и ни одна из них не простаивала — столь велик был спрос на кузнечные работы. Работали валдайские кузнецы и для Иверского монастыря.

В 1770 году, присвоив Валдаю статус города, Екатерина II даровала ему и герб — с короною, знаком монаршей благосклонности. А уже в начале XIX века слава о Валдае и его колокольцах звенела по всей России. Наибольшей популярностью пользовались, конечно, маленькие (поддужные) колокольчики и бубенцы. Звонкие и прочные, с ласковыми надписями «дар Валдая» и «кого люблю, того дарю», они были так хороши и так бойко раскупались, что уже в 1830-е годы их подделывали в других областях, и порой «дары Валдая» таковыми, на поверку, не оказывались. Лили в Валдае также и большие — весом до двух тысяч пудов — колокола.

К 1834 году дорогу между Москвой и Петербургом вымостили камнем, и движение по ней пошло еще бойчее. Однако с открытием в 1851 году Николаевской железной дороги жизнь в бывших придорожных селах и городках начала замирать. Перевозкой грузов и пассажиров занялись теперь не ямщики, а паровозы. Ремесла и торговли, развивавшиеся в Валдае на протяжении двухсот лет, пошли на убыль. С 1858 по 1910 год количество дворов здесь уменьшилось почти вдвое.

Но в том, что дорога через Валдай стала менее проезжей, чем раньше, были и свои положительные стороны. Не секрет, что нравственность валдайского населения весьма страдала от соседства оживленного тракта. Например, об отъявленных манерах валдайских девиц знали все опытные путешественники. Самое мягкое название им было — «сирены». Еще А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» вкупе с валдайскими баранками поминал этих «сирен». «Сей городок, — писал он о Валдае, — достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних. Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разрумяненных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедротами на счет своего целомудрия».



▲ *Молодая жительница Валдая. Иллюстрация из альбома Эдварда Хардинга «Костюм Российской империи» (1803).*

▼ *Одна из валдайских достопримечательностей — Музей уездного города.*



«Не отходи от мене...»

Несколько необычной, по-видимому, будет выглядеть эта глава в нашем повествовании. Она — не о человеке, и даже не о каком-то отдельном отрезке в жизни человека, но о связи двух людей между собой. Людей, никогда не видевших друг друга наяву, разделенных временной пропастью почти в столетье и тем не менее соединенных узами, определившими во многом посмертную судьбу одного из них (во всяком случае, ее земное отражение) и жизненный путь другого.

В 1591 году, спустя двадцать два года после мученической кончины митрополита Филиппа (Колычёва), соловецкие иноки, некогда, в лице своего настоятеля, предавшие святителя (не одни только они предали его, но соловчане понимали свой грех как сугубый, ибо — «от юности своей понес он труды вместе с отцами киновии, и ныне на нас висит клятва за то, что причинили ему ученики»), испросили у царя Феодора Иоанновича останки своего «пустынного гражданина». Из тверского Отроча монастыря везли их, оказавшиеся по разрытии могилы нетленными, водными путями на Соловки, куда много лет назад пришел он сам, пронзенный словами Христа о невозможности служить двум господам.

Слова эти звучали в нем, когда он совершал свой путь в отдаленный Соловецкий монастырь. И когда строил здесь храмы Божии. И когда отказывался взойти на митрополичий престол. И когда, обличая царя, говорил ему: «Не могу, государь, повиноваться повелению твоему паче, нежели Божьему». И когда, в последний свой час, ответив Малюте: «Делай, как хочешь, друг, за чем пришел», — простер руки ко Господу в последней молитве.



Прославление

В Соловецком монастыре тело митрополита Филиппа погребли под папертью церкви прпп. Зосимы и Савватия — там, где он сам желал быть погребенным. Не замедлили проистечь от его гроба чудеса. Однако лишь в 1636 году, при Патриархе Иосифе (соловецкого монашеского происхождения), службу ему включили в Минеи. Именно в это время на Соловках подвизался Никон, будущий Патриарх.

◄ *«Митрополит Филипп обличает Ивана Грозного», картина Я. П. Турлыгина (1858—1909).*

Торжественное перенесение мощей святителя в монастырский Преображенский собор состоялось уже без него; он в это время, пережив ряд испытаний, настоятельствовал в московском Новоспасском монастыре. Но о митрополите-мученике не забыл. Очевидно, уже в это время в нем сложились и тот идеал церковно-государственных отношений, который



▲ Патриарх Никон.

Никон впоследствии пытался претворить в жизнь, и то представление о долге архипастыря, которому он стремился соответствовать. И личность митрополита Филиппа, его путь, увенчанный терновым венцом мученичества и посмертной славой, ясно вставали перед ним.

Несомненно, идея перенесения мощей святителя Филиппа из Соловецкого монастыря в московский Успенский собор принадлежала именно Никону. «Никон, — замечает Г. П. Федотов, — имел особое усердие к св. Филиппу, личное желание его прославления». А слава митрополита не могла быть, по мысли Никона, полной без возвращения святителя мощами туда, где он совершал подвиг святительского (и исповеднического) служения. И это возвращение должно было, помимо прочего, стать актом покаяния государственной власти перед умученным ею архипастырем.

«Мир ти, брате...»

В «Извещении о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона Патриарха Московского и всея России» Иван Шушерин о перенесении мощей святителя Филиппа говорит так: «Благочестивый Царь по совету со Святейшим Иосифом Патриархом и со всем освященным собором послаше его (Никона. — *Прим. ред.*) в Соловецкий монастырь на взятие оттуда к Москве мощей святаго и блаженнаго Филиппа, митрополита Московскаго и всея России». Участие Никона в замысливании этого перенесения автором «Извещения...» не озвучено вовсе. Но, конечно, его участие было определяющим (об этом говорят и церковные историки начиная с митрополита Платона (Лёвшина)). Царь в данном случае вполне положился на своего друга, доверяя ему в тот период почти влюбленно.

11 марта 1652 года посольство, возглавляемое митрополитом Никоном, отправилось в Соловки. Одновременно «стартовала» экспедиция в Старицу — за мощами Патриарха Иова, перенесшего в свое время гонения от Лжедмитрия I. Мощи Патриарха Иова привезли в Москву уже 5 апреля (и, встречая их, престарелый Патриарх Иосиф так утрудился, что умер спустя несколько дней). Никон же только 3 июня, потерпев по дороге кораблекрушение («Нападоша на них сильные ветры, и сотвориша на мори тамо велие и страшное волнение, яко ни единой ладии остатися у них в целости, но вси разбиша», — пишет Шушерин), прибыл на Соловки.



▲ *Соловецкий монастырь. Деталь иконы «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие» (XVII век). Расставание соловецких иноков с мощами святителя Филиппа являло картину неподдельного горя. Провожая мощи до ладьи, «мнози же путем от плача и слез изнемогше… валяющеся семо и овамо, яко объюродевшие».*

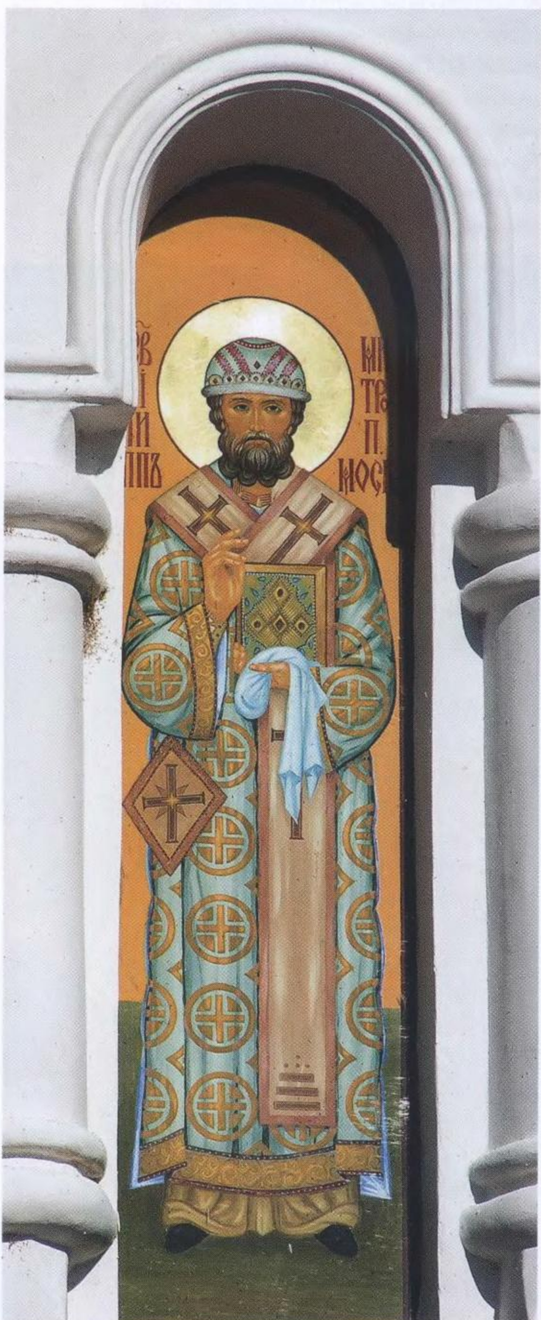


▲ *Везя мощи святителя Филиппа из Соловков в Москву, Никон предусматривал остановки там, где были храмы. На фотографии: Христорождественский собор Каргополя. Здесь митрополит Филипп провел одну ночь своими мощами.*

На Соловках Никону было сонное видение. «Мир ти, брате, не отходи от мене», — сказал ему митрополит Филипп, «восклоньшись» в раке. «Аз же, возбнув, страшен велми быв», — завершает свой рассказ об этом видении в письме к царю Никон.



▲ *Останавливались и в обители преподобного Ферапонта. Знал бы митрополит Никон, как надолго придется ему остановиться здесь спустя пятнадцать лет!*



Москва встречала святителя Филиппа только 9 июля. Мощи везли через Каргополь, Кириллов (но в Кирилло-Белозерский монастырь не заезжали, а на другой день останавливались в Ферапонтовом монастыре), Рыбное (нынешний Рыбинск), Ярославль — и дальше сухим путем на Москву. Часть этого пути Никон повторит впоследствии: от Кириллова до Ярославля — умирающим старцем, — а от Ярославля до Москвы — бездыханным телом. При перенесении мощей в Успенский собор, как свидетельствовал сам Алексей Михайлович, произошло множество исцелений среди собравшегося (в великом множестве, так что «не мочно было ни яблоку упасть») народа. Не прекращались они и после, когда чудотворцеву раку поставили в соборе: «то меньшое, что человека два или три в сутки, а то пять и шесть и седмь исцеление получат».

А Никон «не отходил» от святителя. 25 июля 1652 года, в тот самый день, когда смиренный соловецкий игумен Филипп был в 1566 году хиротонисан во епископа и поставлен



◀ *Икона святителя Филиппа над воротами Валдайского монастыря.*

митрополитом Московским, состоялось возведение Никона в Патриаршее достоинство. И, разумеется, он придавал этому большое значение — как и всем датам, связанным так или иначе с житием свт. Филиппа (на что справедливо указывает С. К. Севастьянова в статье «Патриарх Никон и митрополит Филипп (Колычёв): к вопросу о жизненных ориентирах и подобиях» (2010)). Особо отмечал Никон в «Слове благополезном» о создании Иверского монастыря, что окончательно оформился его замысел устроить обитель на Валдае именно «на память пренесения мощей» святителя в 1653 году. Да и сам Иверский монастырь он называл монастырем «Пресвятые Богородицы Иверския и святаго новаго исповедника и священномученика Филиппа».

Особенное отношение Патриарха Никона к свт. Филиппу выражалось и в особом почитании им его мощей. Еще в ту пору, когда Никон был митрополитом, ему из Соловков доставили их частицу — «с гортани костку». Теперь же он вкладывает частицы мощей святителя в ковчег, предназначенный для Иверского монастыря, и — в Кийский крест, пред-

«Преклоняю царский свой сан...»

‹...›

Молю тебя и желаю тебе прийти сюда, чтобы разрешить согрешение прадеда нашего, царя и великаго князя Иоанна, нанесенное тебе неразсудно завистию и неудержанною яростию, ибо твое на него негодование как бы и нас сообщниками творит его злобы: хотя я и неповинен досаждению твоему, но гроб прадедний присно убеждает меня и в жалость приводит, когда спослушествует совесть моя списанному житию и страданию твоему, что от того изгнания и до днесь лишаешься твоей святительской паствы царствующаго града. И сего ради преклоняю царский свой сан за онаго, пред тобою согрешившаго, да оставишь его прегрешение своим к нам пришествием, до подашь ему прощение, и упразднится чрез то поношение над ним о твоем изгнании, и все уразумеют, что ты к нему мирен, ради благодати твоего к нам пришествия и пребывания во святой, соборной и апостольской церкви.

Сего ради молю тебя о сем, о священная главо, и честь моего царства преклоняю твоим честным мощам и повиную к твоему молению всю мою власть, да пришед простишь оскорбившему тебя напрасно.

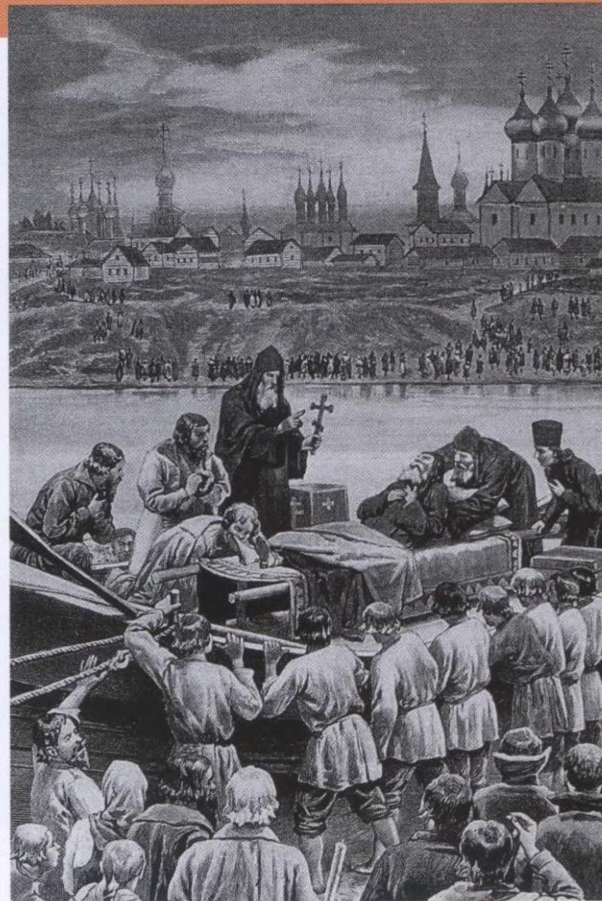
‹...›

О, священная главо, святый владыко Филиппе, пастырь наш! Молим тебя, не презри нашего грешнаго моления, приими к нам с миром.

Послание царя Алексея Михайловича святителю мученику Филиппу, зачитанное митрополитом Никоном у его раки в Преображенском соборе Соловецкого монастыря (в извлечениях)



▲ *Картина А. Д. Литовченко «Царь Алексей Михайлович и Никон, митрополит Новгородский, у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского» (1886).*



▲ *Литография с рисунка Н. Д. Дмитриева-Оренбургского «Смерть Никона» (1892).*

назначенный для монастыря Онежского Крестного.

«А МЫ ВИН СВОИХ ПРЕД ЦАРЕМ НЕ ЗНАЕМ...»

С удалением из Москвы в Ново-Иерусалимский монастырь Патриарх Никон по-новому осмысливает свой путь в свете образа митрополита Филиппа и его «не отходи». Он готовится к исповедничеству и мученичеству, усваивает себе, чем дальше, тем прочнее, привычку говорить и поступать в соответствии с этими приготовлениями. Он, в каком-то смысле, начинает конструировать автобиографию, с некоторым даже усилием сводя ее к имеющемуся у него (или, вернее, овладевшему им) образцу церковно-государственного противостояния: «митрополит Филипп — Иван Грозный», — и не желает различать оттенков.

В 1659 году Патриарх заявляет: «А мы вин своих пред царем не знаем, разве того, что пишем и говорим о неправдах его, яже ко святым и Божиим церквам и ко святым монастырем обнищил и разорил святыя церкви и монастыри своею силною рукою. И он того ради злобится на нас» (речь здесь идет главным образом о Соборном уложении 1649 года). Это похоже на ролевую игру: я буду исповедником, а ты неправедным царем. Это и было отчасти игрой, спектаклем. Никон ждал, что друг, раскаявшись, призовет его к себе. Но спектакля становилось все меньше, а жизни, с ее подлинной трагедийностью, — все больше. От актера потребовалось «полной гибели всерьез».

30 ноября 1666 года Патриарх Никон служил последнюю свою литургию в Голгофской церкви Ново-Иерусалимского монастыря — перед Распятием и иконой Христа Вседержителя, писанной по его заказу. На ней припадающими к стопам Спасителя были изображены святитель Филипп и сам Патриарх Никон. Спустя несколько дней, вызванный на Собор, он получил предписание явиться в Москву или рано утром, или поздно вечером — с малым числом своих людей. «Зачем приказываете мне приехать ночью с немногими людьми? Или хотите задушить меня, как некогда задушили митрополита Филиппа?» — воскликнул Никон. Теперь он действительно ждал для себя, как он и высказал на Соборе царю, «не только страданий, но и самой смерти». Но смерть была еще далеко.

Архимандрит Лаврентий

С момента основания Валдайского монастыря и до его закрытия при большевиках здесь сменилось сорок девять настоятелей. Среди них было немало ярких деятелей, многие впоследствии служили Церкви в святительском сане. Но более других для Иверской обители потрудился архимандрит Лаврентий (Макаров). Имя его незабвенно в истории монастырского острова.

Будущий архимандрит Лаврентий (в миру — Дмитрий Иванович Макаров) родился в 1808 году в селе Кузьминском (в некоторых источниках оно называется Кузминским) Кромского уезда Орловской губернии. Сын причетника, он с младенчества знал нужду в лицо. Но жесточе всего ему пришлось, когда он учился в Орловском духовном училище и семинарии. Испытания голодом, холодом, розгами и мертвящей казенностью бурсы его, однако, не сломили. В 1831 году Дмитрий Макаров поступил в Киевскую духовную академию. Материальное положение его здесь было не многим лучше прежнего, но он находил возможность помогать своим еще менее достаточным товарищам. Отношения его к однокашникам были таковы, что иначе как «отцом» они его не величали. И в этом прозвище содержалось больше уважения, чем «системной» шутки.



◄ *Настоятельствовать архимандрит Лаврентий «приучался» в Киево-Печерской Лавре. И этот первый опыт был не слишком удачен.*

«Подрясник и ряса все скрасили...»

В 1835 году Д.И. Макаров окончил академию и, как один из самых успешных выпускников, был оставлен при ней, а в 1841 году — возведен в степень экстраординарного профессора исторических наук. Об этом периоде в жизни архимандрита Лаврентия сохранились замечательные воспоминания свт. Феофана Затворника, в то время — питомца Киевской духовной академии: «О батюшке отце Лаврентии я меньше всех знаю. В академии я бывал у него часто; но об обстоятельствах его почти никогда речи не было... Главное в нем — безгневие. Образ кротости. Я ни однажды не видал его рассерженным. Иногда он станет будто сердито говорить; но тон речи всегда изменял ему и показывал, что это он надувается рассерчать, да не умеет... В академии он жил очень уединенно, никуда почти не хаживал. Всё дома и дома. Когда какой праздник по товариществу, он скажет: приду, приду, а на другой день извинится: совсем собрался было, да помешали... Был большой постник, и в лице будто полон, а тела совсем почти нет. Живота нет, — ввалился. Когда наденет фрак, и вышел как доска, подчегарый. Подрясник и ряса все скрасили... Жениться все собирался. Чай, невесты две выбирал. Нет, не удалось. Покойный владыка Филарет (Амфитеатров; он, кстати, был земляком о. Лаврентия, уроженцем того же Кромского уезда. — *Прим. ред.*) воротится, бывало, из Питера и при встрече скажет: ну, Макаров, приехал тебя постригать. Шутя! И застриг таки... Профессоры все относились к нему с уважением. Он был муж совета, — и утешения».



▲ *Валдайский Иверский монастырь на гравюре XIX века.*



▲ *Святитель Феофан Затворник. Об архимандрите Лаврентии он вспоминал с уважением и нежностью: «Главное в нем — безгневие. Образ кротости. Я ни однажды не видал его рассерженным».*

«Застригли» Дмитрия Макарова в 1843 году. А на следующий год он, уже возведенный в сан архимандрита, был назначен наместником Киево-Печерской Лавры. Здесь он пытался придать жизни братии аскетическое направление, однако сочувствия среди монахов не встретил. Кроткий и незлобивый, он очень страдал от «дерзких иноков», которые, пользуясь неумением о. Лаврентия «рассерчать», окончательно распустились. В 1852 году он испросил себе перевод в малочисленный и тихий Киево-Выдубицкий монастырь. Отсюда в 1854 году был переведен в Валдайский Иверский монастырь, настоятелем которого оставался в течение двацати лет.

Не без грусти расставался отец архимандрит с Киевом, где провел значительную часть своей жизни. Здесь он учился, здесь состоялся как преподаватель, принял постриг и начал одолевать непростую науку управления монастырем. Одним словом, с отъездом из Киева заканчивалась для него целая эпоха.

«Долг перед Царицей Небесной»

К своему назначению на Валдай архимандрит Лаврентий подошел со всей ответственностью. Едва освоившись с новыми для себя декорациями, он взялся за благоустройство обители, заключавшееся в ремонте храмов и иных построек, а также организации странноприимного дома. Последнее было насущной необходимостью, поскольку число паломников постоянно росло и в иные праздники исчислялось тысячами. Всех их следовало кормить и покоить, что и исполнялось неизменно под неусыпным надзором отца настоятеля. При этом, сколько бы ни уходило съестных припасов на прокормление «странных людей», монахи никогда не испытывали ни в чем нужды. Видя это, они (сначала встретившие с некоторым недоумением «расточительность» о. Лаврентия), вполне доверились настоятелю, внушавшему братии, что должно принять с радушием всякого приходящего, что это — «долг наш перед Царицей Небесной».

Число насельников в Валдайском монастыре за время настоятельства архимандрита Лаврентия возросло почти вдвое — и это при том, что он все-таки насадил здесь то «аскетическое направление», которому так воспротивились в свое время киевские монахи. Многих послушников это отпугивало, а многих, напротив, привлекало.

В 1873 году о. Лаврентий подал прошение об увольнении на покой — настоятельские труды сделались ему не по силам. В декабре прошение его было удовлетворено. Умер он 2 июля 1876 года.



Визит Святейшего Патриарха Алексия II в Валдайский Иверский монастырь. 12 января 2008 года.

«Трудно было представить...»

Валдайский монастырь принадлежит сегодня к числу самых благоустроенных в новгородских пределах. Но еще лет двадцать тому назад он произвел бы на посетителя совсем иное впечатление.

В 2008 году, впервые за много лет побывав в Валдайском Иверском монастыре, Святейший Патриарх Алексий II сказал: «В первый раз, в 1991 году, когда я посетил передаваемый Русской Православной Церкви Иверский монастырь, он был в таком состоянии, что трудно было представить его возрождение».

Действительно, тогда, в начале 1990-х, страшно было подумать, сколько средств и сил пойдет на восстановление обители. Многие из тех, кто приезжал тогда в монастырь, признаются, что просто не верили в то, что с этими руинами что-то возможно сделать. Постройки пребывали в полном запустении: собор разрушался, монастырская колокольня с 1960-х годов стояла без кровли.

В конце 1980-х годов у идеи возвращения Валдайского монастыря Церкви было много противников. Предполагалось сделать остров курортно-туристической зоной, и, видимо, лишь подсчет расходов, связанных с восстановлением монастырских памятников и созданием соответствующей инфраструктуры, заставил власти отказаться от этой идеи.

Как бы там ни было, в 1991 году Святейший Патриарх благословил возрождение Валдайской Иверской обители и отслужил в соборном храме монастыря молебен перед Иверской иконой Божией Матери.

Восстановление собора длилось более пятнадцати лет, работы завершились к 2008 году, и 12 января





Крестный ход с Иверской иконой Божией Матери.

Патриарх освятил его — с возвращением ему исторического посвящения Иверской иконе Пресвятой Богородицы.

К сожалению, как нам приходилось уже говорить, от XVII века в Иверском храме мало что уцелело — кроме стен, дубовых дверей и кованых врат. Последние, кстати, тоже потребовали кропотливой реставрации. Выкованные неизвестным русским мастером, они являются настоящим шедевром кузнечного искусства. «Это был великий мастер, — отзываются реставраторы-кузнецы о создателе врат, — который с помощью довольно примитивных орудий своего времени сумел выковать подлинное чудо. Нам, его потомкам, остается гордиться тем, что на Руси были такие художники, и стараться подтягиваться к его высочайшему уровню». Как о чуде реставраторы говорят не только о вратах, но и о том, что им удалось сохраниться в минувшем столетии. Пристальное изучение кованого шедевра привело мастеров к выводу, что он серьезно пострадал от огня: «Возможно, они (врата. — *Прим. ред.*) использовались в качестве решетки, которую туристы или местные жители устанавливали на кострах...»

Справочная информация

Валдайский Иверский монастырь открыт для посещений ежедневно, с 6:00 до 21:00. Начало утреннего богослужения — в 7:00 (9:00 в воскресные дни), вечернего — в 17:45. В воскресенье вечером читается акафист перед Иверской иконой Божией Матери, во вторник вечером — акафист праведному Иакову Боровичскому.

Монастырь располагает всеми условиями для приема паломников, однако паломнический отдел просит предупреждать о приезде заранее, примерно за месяц (это касается прежде всего больших групп).

Контакты

Адрес: 175400, Россия, Новгородская обл., Валдайский р-н, г. Валдай, о-в Сельвицкий, Валдайский Иверский монастырь
Тел. паломнического центра: +7 (911) 614-66-94
Сайт монастыря: www.iveron.ru

Как добраться

Валдайский монастырь находится в 10 километрах от города Валдая, добраться до которого можно на поезде или (из Петербурга, Новгорода, Твери) на автобусе. Летом от валдайской пристани отправляются теплоходы на монастырский остров. Зимой придется воспользоваться такси.

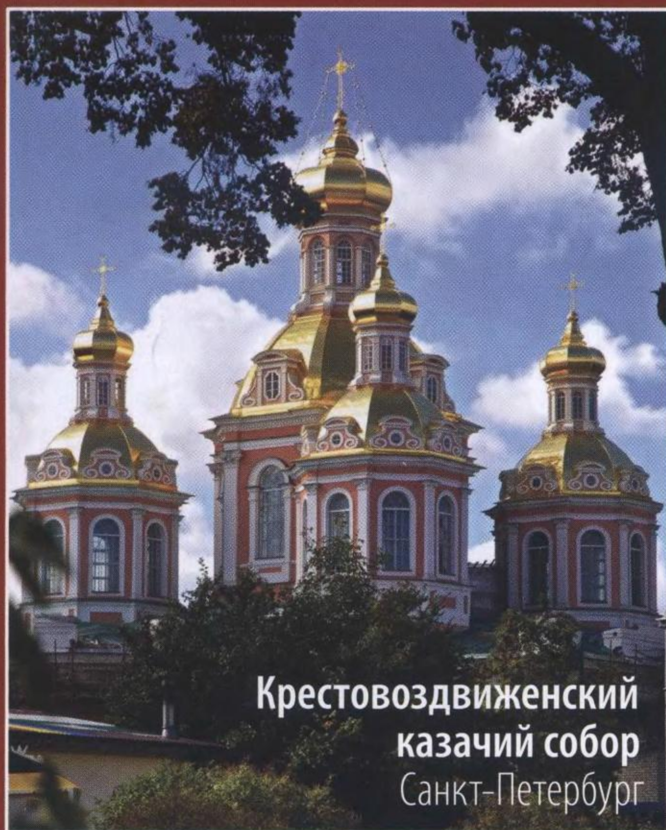
Автомобилистам понадобится трасса Москва — Санкт-Петербург (М10). Едучи со стороны Москвы, надо повернуть, не доезжая Валдая, на Боровичи, а через два километра повернуть еще раз, налево, — уже к самому монастырю. Если ехать со стороны Петербурга, город Валдай следует проехать (но не заезжать в него), повернуть на трассу до Боровичей и дальше следовать «московским» указаниям.



Паломническая гостиница.

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Крестовоздвиженский казачий собор, Санкт-Петербург



Что такое петербургский Крестовоздвиженский собор? Это — храмовый ансамбль, формировавшийся десятилетиями; яркий памятник, в котором нашли свое выражение лучшие архитектурные традиции северной российской столицы; приход, находящий, несмотря на постоянный недостаток средств, силы на активную благотворительную деятельность; память о прошлом и уважение к современникам.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+